

Вл. А. Луков

СЕРВАНТЕС

Московский гуманитарный университет
Институт гуманитарных исследований

Вл. А. Луков

СЕРВАНТЕС

**Научный доклад для «круглого стола», посвященного
400-летию выхода в свет 1-го тома «Дон Кихота»
М. Сервантеса**

Москва

2005

Луков Вл. А. Сервантес: Научный доклад для «круглого стола», посвященного 400-летию выхода в свет 1-го тома «Дон Кихота» М. Сервантеса / Отв. ред. Вал. А. Луков. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 25 с.

Публикуется научный доклад главного научного сотрудника ИГИ МосГУ доктора филологических наук, профессора Вл. А. Лукова, представленный для обсуждения на «круглом столе», проводимом Институтом гуманитарных исследований МосГУ в связи с 400-летием выхода в свет 1-го тома «Дон Кихота» М. Сервантеса.

Для специалистов в области культурологии и литературоведения, студентов, аспирантов.

Ответственный редактор

доктор философских наук, профессор

Вал. А. Луков

© Луков Вл. А., 2005.

© Московский гуманитарный университет, 2005.

ВВЕДЕНИЕ

В середине января 2005 г. исполнилось 400 лет с выхода в свет книги, которую нередко признают самой великой в истории романа. На титульном листе довольно увесистого тома значилось: «El ingenioso hidalgo Don Qvixote de la Mancha, Compuesto por Miguel de Ceruantes Saauedra. Dirigido al dvqve de Bejar... Año 1605. Conprivilegio, en Madrid, Por Juan de la Cuesta. Vendese en casa de Francisco de Robles, librero del Rey...»¹ Издание вышло на плохой бумаге, со множеством опечаток. Но тираж был так быстро распродан, что ловкие Хуан де Куэста и Франсиско де Роблес пиратски выпустили второй тираж (что стало известно только в 1916 г., когда был обнаружен единственный сохранившийся экземпляр этой допечатки). Затем в том же году они выпустили еще одно издание (некоторые ошибки в нем были исправлены, но и цензура оставила свои следы) — и объявили его первым, с распространением издательских прав на Португалию и Арагон (дело в том, что в Лиссабоне другие ловкие издатели уже успели выпустить два издания, и надо было что-то срочно придумать, чтобы сохранить за собой права на роман, начавший приносить большую прибыль). Второе издание считалось первым более двух веков, до 1829 г., когда Д. Винсенте Сильва восстановил истину.

Роман имел невероятный успех. Только в 1605 г. в Испании вышло 6 его изданий. В 1607 г. он вышел в Брюсселе, в 1610 г. в Милане (по-испански). До 1615 г. (когда появился второй том) роман вышел десятью изданиями общим тиражом более 12 тысяч экземпляров (о чем автор сам упоминает во втором томе). В 1614 г. первый том романа выходит на французском языке, в 1620 — на английском, в 1622 — на итальянском... В XVII веке в мире вышло более 70 изданий, в XVIII — более 150, в XIX — более 600, в XX — по количеству изданий уступает разве что Библии.

Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616) прожил героическую, полную тягот и лишений жизнь. Став писателем, он создает несколько драматических произведений, среди которых выделяется трагедия «Нумансия». Другие его произведения — пасторальный роман «Галатея»; «Назидательные новеллы», внесшие значительный вклад в развитие жанра

¹ Qvixote — то же, что Quixote, Quijote (по-французски — Quichote, почему первоначально в русской огласовке утвердился французский вариант «Дон Кишот»); Ceruantes Saauedra — то же, что Cervantes Saavedra; dvqve — то же, что duque — герцог.

новеллы и принципов циклизации новелл; сатирическая поэма «Путешествие на Парнас»; авантюрный роман «Персилес и Сихисмунда» в манере Гелиодора (греческого писателя III века, автора «Эфиопики»). Но его мировая слава связана прежде всего с «Дон Кихотом».

СЕРВАНТЕС И ИСПАНИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ

Мигель де Сервантес принадлежал к обедневшему дворянскому роду, известному с XI века. Его отец Родриго женился в 1540 г. на знатной девушке донье Леоноре де Кортинас. У них было семь детей (четыре мальчика и три девочки), четвертым был Мигель. Он родился в Алькала-де-Энарес, городе недалеко от Мадрида, не очень большом, но уже почти полвека имевшем свой университет, и был крещен 9 октября 1547 г. Так как обычно крестили на третий день жизни ребенка, то считалось, что Сервантес родился 7 октября, но более новые исследования приводят другую дату — 29 сентября. Мигель прибавил к своей фамилии еще одну — Сааведра, по-видимому, в благодарность за какие-то добрые дела своей прабабушки по линии отца доньи Хуаны де Авельянеда, дочери дона Арьяса де Сааведра (был такой старый испанский обычай).

Сервантес родился в эпоху Высокого Возрождения, когда занималась заря «Золотого века» испанской культуры. С VIII по XV век на Пиренейском полуострове разворачивалась Реконкиста — борьба за отвоевание территории, захваченной в 711 г. маврами (арабами). Самым знаменитым героем Реконкисты был Родриго (Руй) Диас по прозвищу Сид, живший в XI веке. По всей Испании пели романсы о юности Сиды, о его славных подвигах. Ему посвящен испанский эпос «Песнь о моем Сиде», записанный около 1140 г. На многие годы и даже столетия фигура рыцаря стала главной в испанской культуре.

В 1476 г. король Арагона Фердинанд и королева Кастилии Исабелла заключили брак, который привел к образованию единой и свободной от арабов Испании. В 1492 г. пал последний оплот арабов на юге страны — Гранада, Реконкиста окончилась полной победой испанцев и португальцев. Но назрела неприятная проблема: главная военная сила Реконкисты, те самые идалго (мелкие дворяне), к которым относился и Дон Кихот, оказа-

лись не у дел. Они умели воевать, мирные же занятия им были не по душе. Оставлять в стране такое количество вооруженных и при этом праздных людей стало небезопасно. Сама жизнь подсказала, как решить эту проблему.

В предшествующие века сложились традиционные торговые пути. Так, путь товаров с Востока пролегал через Багдад, Сирию, восточную часть Средиземного моря, где господствовала Венеция. Испания и Португалия оказались в стороне от старых торговых путей, большая часть их побережья приходилась на Атлантический океан, по которому никто не рисковал путешествовать. Освободившиеся от войны идалго, смелые, закаленные в боях, нашли себе новое применение: они стали осваивать путь на Восток сначала вокруг Африки, а потом и через Атлантический океан на Запад, что привело к открытию Колумбом Америки в том же 1492 г., когда закончилась Реконкиста.

В XVI веке Испания переживает пору величайшего взлета, после присоединения Португалии она становится самой великой колониальной державой, «в пределах которой никогда не заходит солнце», как с гордостью говорили тогда испанцы. Это самое богатое государство Европы, играющее в политике решающую роль. Испания была богата не только американским золотом, но и талантом своих мыслителей, писателей, поэтов. Крупнейшее достижение художественной культуры Испании — живопись Эль Греко (рубеж XVI–XVII веков), за которым начинается время Веласкеса, Сурбарана, Риберы, Мурильо. Расцвет литературы начинается еще раньше, в XV веке. Основателем «итальянской школы» в испанской поэзии был Сантильяна. Он ввел в испанскую литературу жанр сонета. Но еще более значителен вклад Хорхе Манрике — крупнейшего испанского поэта XV века, автора всемирно известной поэмы «Стансы на смерть отца, капитана Дон Родриго», утвердившей в литературе поэтическую форму стансов. Среди первых выдающихся памятников испанского Возрождения выделяется «Трагикомедия о Калисто и Мелибее», более известная под названием «Селестина» (вероятный автор — Фернандо де Рохас). Это большое и сложное произведение имеет драматическую форму, делится на акты (16 в издании 1499 г., еще 5 актов и пролог в издании 1502 г.), но не предназначено для сцены, являя образец жанра драмы для чтения или драматической повести (романа). Наиболее интересны в нем образ сводни Селестины и изображение общественных низов, свидетельствующее о начале формирования плутовской традиции в испанской литературе. В контрасте с линией Селестины представлена история трагической любви рыцаря Калисто и знатной девушки Мелибеи.

В 1492 г. (необыкновенный год!) крупнейший испанский филолог эпохи Возрождения Элио Антонио де Небриха, автор грамматик латинского и греческого языка, латинско-испанского и испанско-латинского словарей, издал свой знаменитый труд — «Испанскую грамматику», где разработал нормы испанского языка. В том же году родился самый выдающийся испанский гуманист Раннего Возрождения Хуан Луис Вивес, получивший образование в Париже, побывавший в Англии и Фландрии, знавший многих европейских гуманистов лично. В своем памфлете «Мудрец» он призывал изучать классические языки, историю, естествознание, а не схоластические науки, выступил сторонником женского образования. В XVI веке возникает испанский профессиональный театр, основоположником которого был Лопе де Руэда, заложивший своей интермедией «Оливы» основы жанра пасос — интермедий в прозе. Поэты XVI века, представители старокастильской школы (Кастильехо и др.), разрабатывали жанры старой испанской поэзии (вильянсико, романсы, глосы — стихи на тему стихотворного эпиграфа, чьи строчки повторяются в конце строф). На противоположных, новаторских позициях стояли сторонники петраркизма (последователи великого итальянского поэта Петрарки — основоположника гуманизма в европейской культуре). Проза этого века отмечена таким ярким событием, как рождение плутовского романа (пикареского жанра, пикарески), первый образец которого представлен в анонимном произведении «Жизнь Ласарильо с Тормеса». Образ Ласаро, простого парня, попадающего из одной переделки в другую и привыкающего выкручиваться из самых сложных жизненных ситуаций, находится у истоков популярного литературного типа — «пикаро» (исп. плут). Плутовской роман быстро развивается на рубеже XVI–XVII веков. Лучший образец жанра — роман Матео Алемана «Гусман де Альфараче».

За четыре года до рождения Сервантеса были впервые изданы стихи Гарсиласо де ла Вега — основателя испанского петраркизма, которого Мигель считал крупнейшим поэтом своего времени. Гарсиласо написал 38 сонетов, 5 кансон, 3 эклоги, 2 элегии, 1 эпистолу — не так уж много и для узкой публики — аристократов, но все это были новые для испанской поэзии жанры, каждое стихотворение — как открытие. О чем же писал Гарсиласо де ла Вега? О любви, всегда трудной, неразделенной. В девятом сонете нимфы ткут на дне реки и говорят о любви, они должны утешить страдающего поэта. В двадцать девятом сонете поэт вспоминает античный миф о несчастной любви Геро и Леандра. Леандр, переплывая пролив, просит волны пощадить его, чтобы он мог увидеть Геро. Нет, не пощадят

его волны. В первой эклоге разговаривают два пастуха. Салисио жалуется на неверность Галатеи, а Неморосо скорбит о смерти своей возлюбленной Элисы. Кому из них хуже? Эти мотивы отражают чувства, владевшие самим поэтом. Гарсиласо де ла Вега происходил из старинного дворянского рода, получил прекрасное образование, играл на гитаре и арфе, сочинял стихи, был образцовым придворным, красавцем — и в то же время смелым воином. В двадцать три года он женился, но жизнь его изменилась, когда к нему пришла настоящая любовь. Его сердцем завладела португальская красавица Изабелла Фрейре, но она отвергла его любовь и вышла замуж за другого и вскоре умерла. Любовь совершенно разрушила поэта, только жизнь в Неаполе, знакомство с античной и итальянской поэзией возвратили ему спокойствие духа. В возрасте тридцати пяти лет он погиб во Франции. При взятии одной из крепостей он первым бросился вверх по штурмовой лестнице, но был поражен ударом камня в голову и через восемнадцать дней скончался в Ницце (за одиннадцать лет до рождения Сервантеса).

Подобных необыкновенных людей знал Сервантес лично или по книгам немало. Разве не похожи они на Дон Кихота?

В юности будущий писатель полюбил театр, особенно комедии Лопе де Руэда, он много читал, знал романсы о Сиде и стихи лучших испанских поэтов, он не прошел мимо идиллических пасторальных романов, самые популярные из которых — «Диану» Хорхе де Монтемайора и «Влюбленную Диану» Гаспара Хиля Поло похвалил в «Дон Кихоте». Правда, о первой книге говорится достаточно сдержанно («Что касается «Дианы» Монтемайора, то... оставим ей в добрый час ее прозу и честь быть первой в ряду ей подобных»), зато о второй — в самых восторженных выражениях: ее «должно беречь так, как если бы ее написал сам Аполлон».

В «Дон Кихоте» также упоминается и первый образец плутовского романа — «Жизнь Ласарильо с Тормеса» (кстати, одно из первых изданий этого знаменитого произведения о злоключениях простолюдина, которого жизнь учит плутовству, вышло в родном городе Сервантеса, когда ему было семь лет).

Но наибольший след в его жизни оставило чтение рыцарских романов. В «Дон Кихоте» их упоминается великое множество. В Испании увлечение рыцарскими романами относится не к XII веку, как это было, например, во Франции, а к XVI, когда волна энтузиазма в связи с рыцарскими романами в других странах Европы давно уже прошла.

Героическая история Испании нашла отражение в эпическом памятнике XII века «Песнь о моем Сиде». Рыцарский роман от героического эпоса принципиально отличается. Рыцарь в романе совершает подвиги не во имя своей родины или веры, а во имя собственной славы и любви к прекрасной даме. В рыцарском романе многое от сказки, здесь должны соединяться любовь и фантастика. Такое соединение называлось авантюрой, почему рыцарский роман вполне можно называть и авантюрным.

Из всех романов, появившихся в Испании, наиболее знаменитым был «Амадис Галльский». Так как Амадис представлялся Дон Кихоту едва ли не главным образцом для подражания, стоит немного рассказать о романе, его воспевшем. «Амадис Галльский» (а правильнее — «Уэльский»), самый знаменитый европейский рыцарский роман XIV–XVI веков, был написан португальским писателем Васку де Лобейра в начале XIV века. Ни один экземпляр этого первоначального текста не сохранился (последний погиб во время Лиссабонского землетрясения в 1755 г.). В 1508 г. в Испании вышел перевод этого романа, сделанный Гарсией Родригесом де Монтальво. Переводчик переработал первых три тома, а четвертый полностью написал сам.

Вот это издание попадает в руки священника, когда они с цирюльником просматривают библиотеку Дон Кихота: «И первое, что ему вручил маэсе Николас, это «Амадиса Галльского в четырех частях».

— В этом есть нечто интересное, — сказал священник, — сколько мне известно, перед нами первый рыцарский роман, вышедший из печати в Испании, и от него берут начало и ведут свое происхождение все остальные, а потому, мне кажется, как основоположника сей богопротивной ереси, должны мы без всякого сожаления предать его огню.

— Нет, сеньор, — возразил цирюльник, — я слышал другое: говорят, что это лучшая из книг, кем-либо в этом роде сочиненных, а потому, в виде особого исключения, должно его помиловать.

— Ваша правда, — согласился священник, примем это в соображение и временно даруем ему жизнь».

О чем же рассказывается в знаменитом романе Монтальво? Амадис — внебрачный сын Периона, короля Галлии (а точнее — Уэльса; Галлия — это древнее название территории Франции, а Уэльс — полуостров на западе Великобритании, откуда пришли легенды, положенные в основу романа). Мать Амадиса, бретонская принцесса Элисена, оставляет младенца на берегу моря. Там его находит шотландский рыцарь Гандалес

и приносит ко двору своего короля, где он и растет под именем Юноши с Моря.

В двенадцать лет, став пажем принцессы Орианы, он влюбляется в нее, она отвечает взаимностью. «Однако Юноша с Моря, который ничего не знал и не подозревал о том, что и она его любит, почитал себя слишком дерзким в том, что он осмелился обратить свои помыслы на девицу столь высокородную и столь прекрасную, и не смел он ни единого слова выговорить ей про свою любовь. А она, любившая его всем сердцем, остерегалась разговаривать с ним больше, чем с другими, чтобы чего-нибудь не заподозрили. Но глаза ее получали большое наслаждение, показывая сердцу предмет, который сердцу был дороже всего на свете. Так жили они, храня тайну своей взаимной любви и ни слова не говоря о ней друг другу». В такой манере написан весь роман.

Но продолжим рассказ об Амадисе. Он вырастает и удостоивается чести быть посвященным в рыцари. Во время этого посвящения по мечу, найденному когда-то рядом с младенцем, узнают, что в его жилах течет королевская кровь. При чем в рыцари его посвящает (по просьбе Орианы) Перион, не подозревая о том, что Амадис — его сын. Став рыцарем, Амадис дает клятву верности Ориане и отправляется совершать подвиги в ее честь. Он борется с великанами, чудовищами, участвует в поединках то в Германии, то в Богемии, то в Италии, то в Греции. Есть и такой эпизод: Амадис входит победителем в Константинополь.

У Амадиса несколько прозвищ: он и Рыцарь змеи, и Рыцарь юной шпаги, и Рыцарь карлика. В романе рассказывается о его бесчисленных подвигах, а также о подвигах и жизни еще некоторых славных рыцарей — сводного брата Амадиса по имени Галаор, храбреца, но ветреного в вопросах любви, а также сына Амадиса — знаменитого Эспландиана.

Роман как бы сам позволяет себя продолжить, и в XVI веке в Испании появляется, по выражению Сервантеса, «целая семья Амадисов» — «Пятая книга Амадиса» (об Эспландиане), «Шестая книга Амадиса» (о его племяннике Флорисандо), «Седьмая книга Амадиса» (о его внуке Лисуарте) и т. д. Герои этих и других испанских рыцарских романов живут в придуманном мире, в «царстве рыцарского миража». У знаменитых итальянских авторов, писавших романы в стихах о рыцарях на рубеже XV–XVI веков («Влюбленный Роланд» Боярдо, «Неистовый Роланд» Ариосто) изображение рыцарских подвигов проникнуто иронией, а в испанских романах никакой иронии нет, описание слишком серьезно и при этом не-

правдоподобно. Все это создало прекрасную почву для иронического и правдивого романа Сервантеса «Дон Кихот».

В 1570 г. молодой Сервантес оказывается в Италии в качестве камереро (камердинера) кардинала Аквавивы. Есть две версии, объясняющие такой вираж в судьбе будущего великого писателя. Согласно первой, знакомство с Аквавивой произошло в Испании при весьма необычных обстоятельствах. Двумя годами раньше неожиданно умерла жена испанского короля Филиппа II Елизавета (легенда связала ее смерть с гибелью Дона Карлоса, сына Филиппа, и приписала обе смерти ревности короля, что не исключено). Папа римский направил своего чрезвычайного легата — молодого, но проницательного кардинала Аквавиву — в Испанию для выяснения истинных причин смерти Елизаветы, которая была не только испанской королевой, но и дочерью французского короля. Сервантес откликнулся на смерть Елизаветы стихами. Стихи, снабженные посвящением кардиналу Эспиносе, учитель Сервантеса гуманист Хуан Лопес де Ойос включил в сборник стихов других своих учеников и, видимо, представил ко двору. Возможно, именно через кардинала Эспиносу Сервантес попал в свиту кардинала Аквавивы. Тот, несмотря на свою проницательность, не раскрыл тайн мадридского двора (а может быть, в этом была высшая прозорливость) и уехал в Италию через Валенсию и Барселону, скорее всего, увезя с собою Сервантеса (по крайней мере, в романе Сервантеса «Персилес и Сихисмунда» рассказывается именно о таком путешествии).

Другая версия намного проще: Сервантес, обладавший авантюрной жилкой, попал в Италию в 1570 г. просто в поисках приключений и уже там познакомился с кардиналом Аквавивой и оказался в его свите.

Как бы там ни было, но перед глазами Сервантеса раскрывается панорама Италии с изумительной природой, с роскошными дворцами Рима, Флоренции, с античными развалинами, с живописью и скульптурой Джотто, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля. Как писатель Сервантес испытывает могучее влияние Боккаччо, он зачитывается «Влюбленным Роландом» Боярдо и «Неистовым Роландом» Ариосто. В его речи все чаще встречаются итальянские слова (в «Дон Кихоте» остались следы этого влияния).

У Аквавивы Сервантес прослужил полгода и внезапно оставил хорошее место, добровольно став солдатом, потому что считал, что только военная профессия достойна дворянина.

Время было беспокойное. На севере, в Испанских Нидерландах, разворачивалось национально-освободительное движение. Один из пер-

сонажей «Дон Кихота», некий пленник, рассказывает (в 39 главе первого тома романа) о том, что он во Фландрии, где служил в войсках герцога Альбы под началом «славного военачальника из Гуадалахары Дьего де Урбина», присутствовал на казни мятежных графов Эгмонта и Горна. Упомянутый Дьего де Урбина — реальное лицо, в чьих войсках служил Сервантес в Неаполе. Писателю пришлось на себе испытать тяготы военной жизни.

Турецкий султан Селим стал угрожать Венецианской республике. Папа Пий V настоял на заключении военного союза между Венецией, Испанией и папским престолом. Во главе союзных войск был поставлен побочный сын императора Карла V дон Хуан Австрийский (о нем упоминается в «Дон Кихоте»). Неаполитанские полки Дьего де Урбина направились в Мессину на соединение со всеми союзными войсками, которые были посажены на корабли, составившие мощную эскадру. Сервантес оказался на корабле «Маркиза» в левом крыле эскадры. Именно это крыло 7 октября 1571 г. наткнулось на турецкий флот близ Лепанто. Началось одно из самых знаменитых морских сражений. Хотя Сервантес был болен лихорадкой, он лез в самое пекло, был дважды ранен в грудь. Третья рана пришлась в руку, и Сервантес до конца жизни не мог ею двигать. Его храбрость была замечена, и на следующий день с ним и другими ранеными беседовал сам дон Хуан Австрийский. Потом семимесячное лечение на острове Сицилия, новые бои, Тунис, Сардиния, Неаполь и другие места, куда направляют полк. Храбрый воин Сервантес был вызван к дону Хуану Австрийскому, ставшему вице-королем. Полководец не забыл подвиги солдата, он разрешает Сервантесу вернуться в Испанию и дает рекомендательные письма к королю Филиппу II.

Свое 28-летие Сервантес готовился отметить в Испании, в кругу близких, обласканный двором. А встретил в Алжире, в плену, став рабом. Как это случилось? Корабль «Солнце», на котором Мигель Сервантес и его брат Родриго плыли к берегам родной Испании, захватили алжирские пираты и всех, кто там был, продали в рабство. Братьев купил греческий ренегат Дали Мами. Ренегатами назывались бывшие христиане, которые за свою свободу заплатили принятием мусульманства. Те же, кто не отказывался от христианской религии, становился рабом. Таких рабов в Алжире было около 25 тысяч. В пьесе Сервантеса «Алжирские нравы» выведены два брата, один из которых, став ренегатом, так наставляет второго, оставшегося верным христианской религии: «Прими мои здравые советы, и твое положение улучшится; прощай; великий грех столько говорить с христианином».

Письма дона Хуана Австрийского к испанскому королю сделали свое дело: Сервантесу, за которого ожидался большой выкуп, было позволено то, что не позволялось другим. Он даже участвовал в театральных представлениях. Но благородный человек не мог смириться с рабской долей, и четыре раза он совершал побег — каждый раз неудачно. Его судьбу решал его новый хозяин — дей Алжира Гасан-Ага. Пленник в «Дон Кихоте» так описывает этого человека: «Каждый день он кого-нибудь вешал, другого сажал на кол, третьему отрезал уши, — и все по ничтожному поводу, а то и вовсе без всякого повода, так что сами турки понимали, что это жестокость ради жестокости и что он человеконенавистник по своей природе. Единственно, с кем он хорошо обходился, это с одним испанским солдатом, неким Сааведра, — тот проделывал такие вещи, что турки долго его не забудут, и все для того, чтобы вырваться на свободу, однако ж хозяин мой ни разу сам его не ударил, не приказал избить его и не сказал ему худого слова, а между тем мы боялись, что нашего товарища за самую невинную из его проделок посадят на кол, да он и сам не раз этого опасался. И если б мне позволило время, я бы вам кое-что рассказал о подвигах этого солдата, и рассказ о них показался бы вам гораздо более занимательным и удивления достойным, нежели моя история».

Так устами пленника Сервантес, рассказывая о Гасан-Аге, не забыл и себя упомянуть — без ложной скромности, но и без преувеличений. Итак, сам Сервантес не мог объяснить, почему его не казнили. Может быть, за него ожидали очень большого выкупа? Если это даже и так, скоро выяснилось, что семья смогла собрать слишком мало денег, и на них удалось выкупить только одного Родриго.

Свое тридцатитрехлетие Сервантес должен был встретить в Константинополе прикованным к галере, а встретил на свободе, через месяц вступил на родную испанскую землю. Как же это произошло? Вмешался всесильный случай. Монахи-тринитарины, занимавшиеся выкупом христиан из плена, предполагали выкупить идалго Херонимо де Палафокса за 500 эскудо, а Гасан-Ага запросил 1000 эскудо. Их у монахов не было, и тогда за имевшиеся деньги они выкупили Сервантеса, уже прикованного к галере для отправки в Константинополь, куда был отозван его хозяин Гасан-Ага. Монахи в этом деле были посредниками, большую часть денег внесли за Сервантеса его мать и сестра.

Родина встретила Сервантеса неласково. Родные были разорены выкупом, королевская поддержка была слишком скромной. Здоровье было подорвано. Все, что ему оставалось, — это вернуться на военную

службу, в то подразделение испанских войск, в котором он служил до плена и где его помнили с хорошей стороны, благо там был еще и брат Родриго. Филипп II приступил к присоединению Португалии — постоянной соперницы Испании. Сервантес два года провел в походах и военных операциях, исходив Португалию из конца в конец. Здесь родилась его дочь Исабелла Сааведра. В декабре 1584 г. Сервантес женился на донье Каталине де Паласьос Саласар-и-Восмедьяно, и жена признала Исабеллу законной дочерью. Брат Родриго отправился служить в Нидерланды, а Сервантес уходит с военной службы.

Он пишет роман «Галатея» в шести книгах, оставшийся незаконченным, но несмотря на это роман принес ему известность как в Испании, где он выдержал несколько изданий, так и во Франции, причем особенно отмечался изысканный стиль произведения. «Галатея» — пасторальный (то есть пастушеский) роман. В нем действуют пастухи и пастушки, пасущие стада на лоне прекрасной, идиллической природы, влюбляющиеся друг в друга, страдающие от этой любви и размышляющие о ней. Считается, что под именем пастуха Элисио Сервантес изобразил себя, а под именем пастушки Галатеи — свою жену донью Каталину, под именами других пастухов — членов мадридского литературного кружка.

Пасторальный жанр сейчас представляется очень искусственным. Изысканные пастухи даже не говорят, а все время поют о любви. Так, в первой книге романа сначала поет любовную песню Элисио, потом к нему присоединяется Эрасто, тоже влюбленный в Галатею, и пастухи поют вместе, поочередно сочиняя куплеты. Позже появляется Теолинда, которая поет о любви, потом поэт Артидор, который тоже поет о любви, затем разочарованный Ленио, поющий песню против любви. Элисио запевает песню в защиту любви, и спором пастухов, почти дошедшим до потасовки, заканчивается первая книга. Уже здесь заметно, как построен роман: не успела развернуться одна сюжетная линия, как появляется вторая, третья, появляются вставные эпизоды, нигде нет развязок. Герои похожи друг на друга. Не случайно во второй книге Артидор по ошибке объясняется в любви не Теолинде, которую он боготворит, а ее сестре, похожей на нее. В свою очередь, Теолинда встречается с Галерио, похожим на Артидора, и только к концу четвертой книги, с появлением Артидора, все встает на свои места. Схожи и темы разговоров. Если в конце первой книги Элисио и Ленио спорили о любви, то в середине романа Ленио спорит о любви с Тирси. Все это несложно объяснить: Сервантесу (да и читателям его времени) в пасторальном романе неважны герои и со-

бытия, страницы романа отданы бесконечным вариациям всего одной темы — любви. Два взгляда на любовь составляют стержень романа. Любовь — огонь, пожирающий душу; леденящий холод; стрела, разрывающая грудь; бурное море; причина гнева; отец отчаяния; ярмо, сеть, мрак, вор, засада, война, болезнь, лабиринт. Так считает Ленио. Не согласный с ним Тирси утверждает естественность любви и уверен в том, что все плохое, что с ней связывают, проистекает от злоупотребления ею. Но ведь так же вредны, при несоответствующем применении, философия, поэзия, медицина, красноречие, оружие, пища, огонь, размышляет Тирси. До последних дней жизни Сервантес надеялся написать вторую часть «Галатеи». Там Галатея должна была выбрать из двух влюбленных в нее пастухов одного, по-видимому, Элисио. Но почему роман как бы не выписывался? Почему, когда Сервантес жил в Севилье и в Вальядолиде, его жена, донья Каталина — его Галатея — оставалась в своем родном городке Эскивьясе? Почему вообще «Галатея» столь искусственна, что у французского писателя Проспера Мериме были все основания воскликнуть: «Кто мог угадать, что после сочинения, где все фальшиво, надуманно, приукрашено наперекор всякому здравому смыслу, то же перо создаст шедевр естественности и оригинальности!» Мериме имел в виду бессмертного «Дон Кихота».

На всем, что касается Сервантеса, лежит печать загадки. В одних случаях есть надежда получить достоверные сведения, которые прольют свет на загадочную ситуацию, в других такой надежды нет, а в третьих сам Сервантес сознательно создал загадку, которую вряд ли можно будет разрешить.

Все это в наибольшей степени касается его великого романа «Дон Кихот». Нет окончательного ответа на вопрос о том, когда писатель начал работу над романом. Сам он упоминает в прологе, да и современники об этом были осведомлены, что роман писался в тюрьме. Сервантес несколько раз оказывался в тюремных застенках. В период подготовки военной экспедиции «Непобедимой Армады» к берегам Англии, закончившейся полным разгромом испанского флота, Сервантес, вынужденный искать способы прокормить семью, в 1587 г. отправился в Севилью служить комиссаром по закупке провианта для Армады. В 1592 г. он был заключен в тюрьму города Кастро дель Рио по обвинению в незаконном изъятии пшеницы и ее нелегальной продаже. Потом он сидел в Королевской тюрьме в Севилье в 1597–1598 гг., а возможно также и в 1602 г. Обвинения были столь же серьезными и столь же безосновательными, как и

в первом случае. Сегодня уже нет никаких сомнений не только в честности Сервантеса, но и в том, что эта честность не всем нравилась, нередко она мешала людям достаточно могущественным, чтобы решить такой простой вопрос — упрятать за решетку невиновного, свалив на него свои преступления.

В обширном романе Сервантес создал, в сущности, всего четыре значительных образа, но каких: каждый из них вошел в сокровищницу мировых образов художественной литературы, почти беспрецедентный случай! Это образы Дон Кихота, Санчо Пансы, Дульсинеи Тобосской и Испании.

«ДОН КИХОТ» СЕРВАНТЕСА: УДВОЕНИЕ МИРА

Нет окончательного ответа на вопрос о том, когда Сервантес начал работу над романом «Дон Кихот». Предположительно это произошло около 1597 г., когда писатель по ложному обвинению оказался в севильской тюрьме.

Роман начинается с рождения героя. Разве с рождения? Ведь Дон Кихоту в начале повествования около пятидесяти лет². Великий американский поэт Генри Лонгфелло, внимательнейшим образом изучивший роман Сервантеса, подсчитал, что первый выезд Дон Кихота начался 28 июля, а закончился 29 июля 1604 года. В том же году состоялись его второй и третий выезды: второй (с Санчо Пансой) начался 17 августа и закончился 2 сентября, третий длился с 3 октября по 29 декабря³. Если это так, мы можем определить годы жизни героя Сервантеса: родился около 1554–1556 гг. (в эти года Карл V передал испанскую корону своему сыну Филиппу II), умер в конце 1604 или в начале 1605 г.

Но на самом деле на первых страницах романа Дон Кихоту всего лишь один день, а пятьдесят лет — совсем другому человеку. Что о нем известно? Что его звали Кихада (*исп.* — челюсть), или Кесада (*исп.* — пи-

² Сервантес Сааведра М. де. Дон Кихот Ламанчский // Сервантес Сааведра М. де. Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 1. С. 58. В дальнейшем при цитировании этого издания романа Сервантеса «Дон Кихот» в переводе Н. М. Любимова в скобках указывается римской цифрой номер тома, арабской — страница.

³ Подсчеты Г. Лонгфелло приводятся по кн.: Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 141. (Сер. «Судьбы книг»).

рог с сыром), или Кехана (I, 58). Повествователь уверяет, что последняя фамилия — правильная. Но загляните в конец второго тома — там называется, причем устами Дон Кихота, произносящего свое завещание, совсем иное имя — Алонсо Кихано (II, 595). Говорят, такой человек, Алонсо Кихада, жил в начале XVI века в ламанчском селении Эскивиас и был дальним родственником жены Сервантеса, происходившей из этих же мест. Он, подобно Дон Кихоту, начитался рыцарских романов, в правдивость которых свято верил. Но зачем же писатель так играет фамилиями? Сервантесовский Алонсо Кихано — идадьго, «чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке» (I, 58). В свое время он был влюблен в деревенскую девушку из соседнего селения Тобосо Альдонсу Лоренсо, но скрывал свое чувство. Из его качеств отмечено, что он «любитель вставать спозаранку и заядлый охотник», да еще поклонник рыцарских романов, из-за которых «почти совсем забросил не только охоту, но и хозяйство» и для приобретения которых продал несколько десятин пахотной земли (I, 59). Вот, собственно, и все, что о нем известно.

Перед нами зауряднейший человек, «человек без свойств», что подчеркнуто неясностью фамилии: никто точно не запомнил. Зато имя Дон Кихота человечество помнит уже несколько веков. Давно уже внимательные читатели попытались восстановить прошлое Дон Кихота по его речам. Он разбирается в лекарственных травах, в военном деле, в сложных филологических вопросах (например, может выказать глубокие познания в вопросе о влиянии арабского языка на испанский) — в общем, это прошлое не Алонсо Кихано, а именно Дон Кихота. С другой стороны, Дон Кихот как бы намеренно отрывается от Алонсо. Большое место в начале романа занимает эпизод посвящения героя в рыцари: хозяин постоянного двора на шутовской манер проводит обряд посвящения, после которого Дон Кихот считает себя настоящим рыцарем (I, 71–77). Но следует заметить, что Алонсо Кихано и так им был: ведь идадьго (*hidalgo*) — это испанское название мелкопоместного рыцаря (правда, *hidalgo* — это все же не *caballero*, знатный рыцарь, которого следовало именовать доном, хотя во втором томе Сервантес уже называет Дон Кихота *caballero*). Тем не менее, Алонсо принадлежал к древнему роду и хранил родовое рыцарское вооружение. Но это в обыденной жизни, а Дон Кихот рождается в иной (теперь бы сказали «виртуальной») реальности, и ему нужно такое посвящение, подобно тому как бритвенный тазик оказывается лучше старинного шишака (шлема без забрала), доставшегося ему от предков.

Сервантес показывает нам, как рождается литературный герой. Его три выезда, разделенные небольшими промежутками времени, соответствуют трем эпохам жизни человека — детству, зрелости, умудренной старости. Детство вызывает смех наивностью, ошибками (первая же ошибка — в эпизоде спасения мальчика от наказывавшего его хозяина, когда безоглядная вера Дон Кихота слову любого человека приводит только к увеличению зла). Ученые считают первый выезд героя «Протокихотом» (термин Г. Торренте Бальестера) — первоначальной небольшой повестью, из которой постепенно развился роман. Отмечено, что основное место здесь занимает насмешка над рыцарскими романами и Дон Кихотом, утратившим рассудок из-за них, хотя отмечено и другое: сам герой в первом своем путешествии ссылается не на романы, а на романсы (выдающийся испанский медиевист Р. Менендес Пидаль обнаружил связь начала романа с анонимной «Интермедией о романсах, напечатанной в «Третьей части комедий Лопе де Вега и других авторов» в 1611 или 1612 г., но, как убедительно доказал ученый, написанной в 1590 или 1591 г.⁴). И возникает стойкое убеждение, что «Дон Кихот» как бы саморазвивается, становясь все глубже по замыслу и сложнее по форме.

Однако думается, что это убеждение складывается у людей, воспитанных на реалистических романах XIX века, которые писались как бы от начала к концу, от причины к следствию. Так писал романы, например, Лев Толстой. Но заметим, что если его замысел развивался, он переписывал романы, иногда с самого начала, и делал это много раз. А Сервантес оставил на своих местах романсы, когда мог заменить их романами. Ввел образ Санчо Пансы только во второй выезд Дон Кихота, а мог бы переписать начало и сразу поместить его рядом с героем во время его первого выезда. Даже такая деталь: пословицами Санчо начинает говорить не сразу, а через двенадцать глав после того, как появляется в романе, в то время как нетрудно было бы ввести пословицы в речь Санчо прямо с седьмой главы. Не сразу упоминает писатель о Сиде Ахмете бен-Иныхали как рассказчике истории, а тем более о толедском мориске — ее переводчике на испанский с арабского, в то время как на титульном листе всех изданий начиная с первого стоит подлинное имя автора: Мигель де Сервантес Сааведра. О чем это говорит? Что все так и задумано с самого начала, и только кажется, что автор не знает, как разовьется его повествование.

Второй выезд показывает Дон Кихота в расцвете его рыцарства. Он полностью достроил свой воображаемый мир, о чем свидетельствует зна-

⁴ См. об этом: Багно В. Е. Указ. соч. С. 33–34.

менитый эпизод сражения с ветряными мельницами, которые герой принимает за злобных великанов (I, 105–113). Конечно, здесь Дон Кихот вызывает смех. Но, как говорил Анри Бергсон, одно дело упасть в колодец, потому что смотришь куда-нибудь в сторону, другое — свалиться туда, потому что загляделся на звезды — «ведь именно звезду созерцал Дон Кихот»⁵. Перед нами не наивный ребенок начала романа, над которым можно только посмеиваться. Его помыслы благородны, он наделен достоинством. В сущности, он воплощает рыцарский идеал, сложившийся за много столетий до него. Еще в XII веке возникла так называемая куртуазная культура, требовавшая от рыцаря не только быть смелым, сильным, умелым воином, но предъявившая к нему совершенно новые и неожиданные для того времени требования.

Во-первых, рыцарь должен быть вежливым, то есть соблюдать все многочисленные правила этикета. Дон Кихот хорошо знает эти правила и свято их соблюдает, что выглядит комично на постоялом дворе, но уместным в залах герцога.

Во-вторых, рыцарь должен быть образованным. Здесь Дон Кихот абсолютно безупречен, он знает не только рыцарские романы, но и античные источники, и средневековые хроники, и многое другое. Он, наверное, самый книжный из всех мировых литературных героев.

В-третьих, рыцарь должен быть влюбленным. Дон Кихот избирает себе даму не по правилам, зато по любви, и при этом любит он Дульсинею Тобосскую по куртуазным правилам, согласно которым любовь должна быть верной, скромной, тайной, ради любви рыцарь должен совершать подвиги, но не требовать от дамы сердца каких-либо знаков внимания. Это идеальная («платоническая») любовь, возвышающая человека. Как часто над ней смеются, но, наверное, каждый смеющийся в то же время завидует, что сам не может так любить. И не случайно именно такую высокую любовь называют рыцарской.

В-четвертых, рыцарь должен быть поэтом и воспевать даму своего сердца в стихах. Дон Кихот научился и этому. В замке герцога он поет «сипловатым, но отнюдь не фальшивым голосом» (да еще и играя на виоле) романс, в котором воспеваает Дульсинею и прославляет постоянство в любви. Но дело не в том, что Дон Кихот может сочинять стихи, дело в том, что он по самому своему существу — поэт. Его взгляд на мир поэтичен. Дон Кихот все воспринимает сквозь призму художественных образов, взятых из романов. Он живет не столько в мире благородных идей,

⁵ Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 17.

сколько в мире романских образов. Он выстраивает свою жизнь по образцам, которые воплощены в его любимых героях.

И на первое место в его подражании литературным персонажам выдвигается не внешность, не их отдельные поступки и даже не идеальная любовь, а глубоко усвоенная Дон Кихотом цель — «искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почет».

В «Дон Кихоте», как подсчитали исследователи, действуют 250 мужских и 50 женских персонажей. Но, думается, их еще больше. Ведь в романе не один, а два мира: первый — реальный, второй — тот, который существует в сознании Дон Кихота и при этом настолько отличается от первого, что люди признают Дон Кихота сумасшедшим. Есть и такое мнение, что в романе существует третий мир — мир рыцарских романов. Но его герои обычными людьми не воспринимаются как реальные, и нужно быть Дон Кихотом, чтобы верить в их подлинное существование.

А раз два мира, то многое как бы удваивается в романе Сервантеса. Есть Альдонса Лоренсо. И есть Дульсинея Тобосская. Об Альдонсе мы почти ничего сказать не сможем. А о Дульсине — сможем. Это воплощение идеала женщины, как его понимает Дон Кихот. Происходит такое же раздвоение, как с Алонсо Кихано и Дон Кихотом. Еще до своего переименования («кихоте» — *исп.* набедренник, нечто, при всей своей комичности, более рыцарственное, чем челюсть или пирог с сыром) Дон Кихот меняет имя своего коня. Росинант (от «росин» — кляча и «анте» — впереди, то есть «кляча, идущая впереди всех») — имя, почти столь же знаменитое, как и имя хозяина этого убогого коня. Заметим, что кляча, которая хромала на все четыре ноги, став Росинантом, верно служила Дон Кихоту и оказалась необыкновенно выносливой при всей своей незадачливости. А как раньше звали Росинанта?

Возникает представление, что мир двоится, и достаточно переименовать кого-то и при этом посмотреть на него по-иному, как возникает новое существо.

Не случайно Сервантес называет Дон Кихота «ingenioso», что неточно переведено как «хитроумный». Слово это пришло из латыни, где еще во времена Цицерона употреблялось в значении «щедро одаренный от природы», «даровитый», «талантливый», «остроумный», «изобретательный». Дон Кихот действительно изобретает особый мир и новые существа, которые в романе оказываются более живыми и индивидуальными, чем реальные. К реальному миру, как правило, относятся люди, имена ко-

торых почти не упоминаются, а просто говорится: священник, цирюльник, ключница, племянница, хозяин постоялого двора, герцог, герцогиня. И почти все они — люди «без свойств», как Алонсо Кихано и Альдонса. Зато имена существ, населяющих второй, воображаемый мир, стали известны всем, характеризуя мировые литературные типы: Дон Кихот, Дульсинея Тобосская и даже Росинант.

В этом перечне, и так достаточно длинном, что необычайно редко встречается в мировой литературе, не упомянуто еще одно знаменитое имя — Санчо Панса. Вот герой, которого не придумывал Дон Кихот, которого он не переименовывал, который во всем выглядит как противоположность Дон Кихота до такой степени, что еще романтики увидели в рыцаре и его оруженосце антиподов, воплощающих противоположность идеального и материального⁶. Но на самом деле место Санчо Пансы в романе другое: антиподом Дон Кихота выступает Алонсо Кихано, а Санчо, столь земной и практичный и в то же время мечтающий о губернаторстве на острове, становится связующим звеном между реальностью и фантастическим романским миром Дон Кихота.

Пребывание Дон Кихота в герцогском дворце и губернаторство Санчо Пансы — это период мудрой старости Дон Кихота. Литературная полемика с рыцарскими романами уже не так важна. И Дон Кихот, и Санчо Панса демонстрируют глубокое понимание жизни. Насмешки над ними выглядят жестокими, и в смехе Сервантеса, трагикомическом по природе, все чаще слышны трагические ноты.

После периодов рождения, детства, зрелости, старости следует смерть Дон Кихота. Интересно, что герой умирает дважды. Ведь в конце первого тома, законченного в 1604 г., упоминается о смерти Дон Кихота, а также Санчо Пансы и Дульсиныи Тобосской (I, 572–575).

Здесь же упоминается о третьем выезде Дон Кихота и высказывается надежда на опубликование его описания (I, 575). Значит, Сервантес заранее планировал второй том романа, смертью героев закрывая возможность для других воспользоваться его героями для продолжения рассказа. Писал он второй том долго, отвлекаясь на другие замыслы. В 1613 г. вышли «Назидательные новеллы» Сервантеса, составившие важную страницу в истории европейской новеллы. Через два года появился сборник пьес «Восемь комедий и восемь интермедий», в котором Серван-

⁶ Большой материал собран в кн.: Close A. The romantic approach to Don Quijote. A critical history of romantic tradition in «Quijote» criticism. N. Y., 1978; Flores R. M. Sancho Panza through three hundred seventy-five years of continuations, imitations and criticism. 1605–1980. Newark, 1982.

тес раскрывается как интересный драматург. Он начинает работу над своим последним романом «Странствования Персилеса и Сехисмунды».

И в тот момент, когда писатель был близок к завершению второго тома «Дон Кихота», в 1614 г. некий Алонсо Фернандес де Авельянеда выпустил Таррагоне книгу под названием «Второй том хитроумного идаляго Дон Кихота Ламанчского»⁷. Несмотря на усилия ученых, до сих пор не известно, кто же был автором этого произведения. Сложные, многозначные и загадочные образы Сервантеса потеряли там всякую загадочность, Дон Кихот оказался окончательно сумасшедшим, а Санчо Панса — примитивным донельзя.

Сервантес вынужден был вести спор с этим романом. Кстати, он по всему тексту начиная с посвящения и пролога ко второму тому и кончая эпизодом смерти Дон Кихота расставил выпады против Авельянеды, следовательно, когда надо, мог вмешиваться в почти готовое произведение (хотя как умирающий Дон Кихот мог осуждать произведение, появившееся через десять лет после его смерти!).

Сердобольные друзья нашли способ освободить Дон Кихота от его безумства. С этого момента он погиб, а остался его реальный двойник. Тот ли это человек, который появился в начале романа? Нет, в нем что-то изменилось. Прежде всего, появилось точное имя — Алонсо Кихано. Появилась мудрость. Сохранилось желание жить по литературным образцам: если не в соответствии с рыцарскими романами, то по канонам пасторальных романов (замечательно, что к этому же его призывает и Санчо Панса: «Полно вам в постели валяться, вставайте-ка, одевайтесь пастухом — и пошли в поле, как у нас было решено: глядишь, где-нибудь за кустом отыщем расколдованную сеньору донью Дульсинею, а уж это на что бы лучше!» — II, 597). Наконец, у этого «человека без свойств» появилось свойство, отразившееся в его прозвище: Алонсо Кихано Добрый (II, 595).

⁷ Роман переиздавался и в XX веке. См., напр.: Fernández Avellaneda A. El Quijote. Madrid, 1958. Специалист по испанской литературе О. Н. Редина, занимавшаяся его переводом и исследованием, считает, что роман написан очень неплохо. Возникает подозрение: не является ли его автором Лопе де Вега, задетый 1-ым томом романа? Говорят, что он мог в литературной борьбе пользоваться нечестными методами, например, публиковал пьесы своего конкурента Х. Руиса де Аларкона-и-Мендосы под своим именем. У меня возникала и вовсе крамольная мысль: не сам ли Сервантес вступил в игру с публикой и написал роман Авельянеды? Ведь даже фамилия Авельянеда тесно связана с его биографией: это первая фамилия прабабушки Сервантеса по линии отца доньи Хуаны де Авельянеда, дочери дона Арьяса де Сааведра, в честь которой писатель прибавил к своей фамилии вторую — Сааведра. Но такое смелое предположение не вяжется с автобиографичностью образа Дон Кихота: вряд ли Дон Кихот так бы поступил, а значит, и от Сервантеса трудно ждать столь «хитроумного» хода.

Собственно, доброта и есть главное, что из рыцарского идеала должно быть перенесено в реальную жизнь.

Сервантес похож на своего героя в его лучших чертах⁸. Дон Кихот, самый «книжный» из героев сервантесовского «романа о романе», умирает вместе с завершением повествования. И его создатель, Сервантес, покидает этот мир вскоре после завершения романа, 23 апреля 1616 г. в Мадриде. И хотя есть исследования, доказывающие, что этот день не совпадает с 23 апреля того же года в Англии, когда умер Уильям Шекспир (так как Испания пользовалась григорианским календарем, в то время как Англия — юлианским), но разница в девять дней несущественна: одновременно ушли из жизни два величайших писателя эпохи Возрождения, которые в своих произведениях подвели ее итоги и проложили новые пути в литературе на целые века вперед.

В статье И. С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (опубл. 1860)⁹ были сопоставлены два мировых литературных персонажа. Отклики А. И. Герцена, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и др. показывают, что предложенное И. С. Тургеневым сопоставление сразу же вошло в тезаурус русской интеллигенции. При этом Дон Кихот трактовался как воплощение героического начала, Гамлет — как образ бездействующего мыслителя, в котором героическое подавлено эгоизмом.

Тургеневская трактовка — одна из многих точек зрения на мировые литературные типы (или, как их принято называть, «вечные образы»), причем существуют прямо противоположные версии (например, сентименталистская и романтическая трактовки Гамлета, уверенность читателей XVII–XVIII веков в отрицательности Дон Кихота, сменившаяся на восхищение Дон Кихотом со стороны романтиков, т. д.). С позиций тезаурусного подхода¹⁰ это объяснимо, но должны быть какие-то свойства самих произведений, обеспечивающие такое разнообразие интерпретаций.

Произведения Шекспира и Сервантеса написаны почти одновременно и несут на себе следы переходной эпохи. Множественность

⁸ Автобиографичность Дон Кихота не раз подчеркивалась исследователями, хотя и в разном ключе. Так, Э. Шаль считал, что Сервантес высмеял в Дон Кихоте свою гордыню, а Р. Рокас — что это в судьбе Дон Кихота надо видеть автобиографию благородного человека, истоптанного свиньями, посаженного в клетку стражниками и осмеянного бакалаврами и трактирщиками (см.: Багно В. Е. Указ. соч. С. 21).

⁹ Тургенев И. С. Гамлет и Дон Кихот // Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения: В 15 т. М.; Л., 1964. Т. 8. С. 169–192.

¹⁰ О тезаурусном подходе см. статью в нашем журнале: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.

трактовок заложена в самой их структуре. Точка зрения автора скрыта у Шекспира за счет драматической формы, у Сервантеса — с помощью игры точками зрения (рассказчики, арабский летописец Сид Ахмет бен-Инхали, переводчик с арабского толедский мориск). Несводимость к единой трактовке заложена и в героях. У Шекспира и Сервантеса мировые литературные персонажи — это типы, совмещающие крайности. Человек здесь не сводим ни к разуму, ни к доброте. Для окружающего мира они — маргиналы. Их безумие носит философский характер (открытие истинного лика мира в «Гамлете», создание виртуальной реальности в «Дон Кихоте»). Неоднозначность, многомерность мира и человека объясняет композиционные диспропорции в сюжете (кульминация в середине «Гамлета», непредугадываемость сюжетных ходов и вставные новеллы в «Дон Кихоте»). Образ Гамлета так подан Шекспиром, что он стоит над зрителем (знает нечто, чего не знает зритель). Сервантес использовал противоположную разновидность того же приема: Дон Кихот намеренно расположен ниже читателя (безумец, достойный осмеяния), и его великая вера и глубокие мысли создают впечатление загадки.

Ни загадка Гамлета, ни загадка Дон Кихота не могут быть разгаданы, так как они важны не сами по себе, а входят в структуру образов, подчеркивая многомерность человека и мира.

Существуют классические работы о «Дон Кихоте». Знаменитыми стали «Жизнь Дон Кихота и Санчо» Мигеля де Унамуно, выдающегося испанского писателя, крупнейшего представителя «поколения 1898 года»¹¹, и «Размышления о Кихоте» Хосе Ортеги-и-Гассета, одного из наиболее значительных мыслителей первой половины XX века¹². В отечественном литературоведении классическую мысль о «Дон Кихоте» как первом произведении, в котором роман-фабула сменяется романом-ситуацией, высказал Л. Е. Пинский¹³.

Следует отметить, что роман Сервантеса может быть рассмотрен не только в русле классической традиции, но и, например, в терминах постструктурализма. Так, известный американский постструктуралист Р. Сальдивар в своем исследовании предметного языка романа от Серван-

¹¹ Unamuno M. Vida de Don Quijote y Sancho. Madrid, 1975.

¹² Ortega y Gasset J. Meditaciones del Quijote. Ideas sobre la novela. Madrid, 1969; русск. пер.: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 113–151. (История эстетики в памятниках и документах).

¹³ Пинский Л. Сюжет «Дон Кихота» и новый европейский роман // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 168–181.

теса до Джойса¹⁴ так понимает пути исследования сервантесовского шедевра (в изложении И. П. Ильина): «... «Дон Кихот» рассматривается Сальдиваром как одна из первых в истории литературы сознательных попыток драматизировать проблему «интертекстуального авторитета» письма. В «Прологе» Сервантес по совету друга снабдил свое произведение вымышленными посвящениями, приписав их героям рыцарских романов. Таким образом он создал «иллюзию авторитета». Центральную проблему романа критик видит в том, что автор, полностью отдавая себе отчет в противоречиях, возникающих в результате «риторических поисков лингвистического авторитета» (там же, с. 68), тем не менее успешно использовал диалог этих противоречий в качестве основы своего повествования, тем самым создав модель «современного романа»¹⁵.

Роман Сервантеса написан так, чтобы его содержание нельзя было бы свести к одной идее. Поэтому на протяжении веков идут споры о «Дон Кихоте» и вряд ли когда-нибудь закончатся.

Имя Сервантеса, до 1605 г. знакомое лишь узкому кругу, с выходом романа «Дон Кихот» приобретает международную известность. Но это не принесло ему почета и обеспеченности на родине. Лицензиат Маркес Торрес, подписывая разрешение на издание второго тома в 1615 г., в отзыве описал свою встречу с французским послом и его окружением: «Они подробно расспрашивали меня о его возрасте, занятиях, положении и состоянии. Я вынужден был сказать им, что он стар, солдат, идальго и беден. На это один из них ответил следующими, точно передаваемыми здесь словами: «Значит, такого человека Испания не сделала богатым и не поддерживает на государственный счет» Тут вмешался другой кавалер, высказав с большим остроумием мысль: «Если нужда заставляет его писать, дай бог, чтобы он никогда не жил в достатке, ибо своими творениями будучи сам бедным, он обогащает весь мир»¹⁶.

¹⁴ Saldivar R. Figural language in the novel: The flowers of speech from Cervantes to Joyce. Princeton, 1984.

¹⁵ Ильин И. П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996. С. 190–191.

¹⁶ Цит. по: Багно В. Е. Указ. соч. С. 117.

Содержание

Введение	3
Сервантес и Испания его времени	4
«Дон Кихот» М. Сервантеса: удвоение мира	15

Научное издание

Владимир Андреевич Луков

СЕРВАНТЕС

Научный доклад для «круглого стола», посвященного
400-летию выхода в свет 1-го тома «Дон Кихота» М. Сервантеса

Ответственный редактор проф. Вал. А. Луков

Подписано в печать 18.04.2005

Объем 1,5 п. л. Заказ №

Печатно-множительное бюро издательства

Московского гуманитарного университета.

111395, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. 3.